

Гражданин редактор!

При сём препровождаю к Вам текстовый материал на 103 страницах, прозаический рассказ с дополнениями в виде вставок из обнаруженных мною в компьютере воспоминаний, а точнее сказать, размышлений жертвы перед принятием трагического решения, в результате которого я был втянут в совершенно неожиданную историю, ставшую завершающей в моей следственной карьере, а также копий с диктофонных записей опросов по этому делу, учинённых мною в ходе следствия и распечатанных потом моею женою Клавдией Андреевной. А разговоры эти, слишком вольные для уголовного дела, чуть не довели супругу мою до полной моей отставки ещё до озлобления начальства и полученной отставки по месту службы.

Чтобы дать Вам представление, что имеете дело с человеком серьёзным и обстоятельным, спешу сообщить, что после службы в Советской армии направлен был в Высшую школу милиции, которую успешно окончил и получил назначение по месту рождения и жительства в свой районный отдел милиции, где и служил следователем. За это время такие случались преступления, про которые можно было писать целые тома не только следственных дел, но и детективных книг, каких огромное количество печатают сейчас и распродают, а я покупаю и читаю, потому что очень люблю свою работу, а со школьной скамьи собирался быть писателем, но не выходило всё, одно за другим. Сначала в армию угодил, отпахал в Афганистане целый год, потом учёба в Вышке, тоже сильно не попишешь, нас тогда гоняли и по учебникам, и по практикам. А когда самостоятельная работа началась, тут уж совсем не до писания, за день столько сочинишь протоколов и прочих разных документов, что вечером ни на бумагу, ни на что другое смотреть не хочется.

Я почему Вам так просторно рассказываю о своей персоне, вовсе недостойной такого с Вашей стороны внимания, если бы не особые обстоятельства. Два года назад дежурю я в опергруппе, это такая команда на всякий случай, чаще всего так и проспим в дежурке, потому что район сельский, спокойный, не сравнить с городом, где проблемы каждую минуту. А тут ночью, точнее уже на рассвете, будит меня дежурный:

– ЧП на трассе, легковушка заскочила под фуру, сейчас с мобильника позвонил водитель. Собирайтесь.

Так вот, об этой аварии. Стоит на своей стороне большая машина, «вольво», кузов крытый, гружёная. В стороне кверху колёсами лежит легковая, чёрным цветом, вся измятая, как будто кто её пожевал и выплюнул, марки «мерседес». Рядом человек лежит, мужчина, явно неживой. С фуры

двое подбегают, начинают что-то объяснять, но наше дело сначала с человеком разобраться. Эксперт наклонился над ним и кричит:

– Ребята, так это же наш, композитор, как его фамилия... чёрт, не вспомню, ну, в общем – был наш, теперь всё, готов.

Как и положено, осмотрел машину изнутри, документы изъял, из карманов достал платок, бумажник, деньги тут же пересчитал, да ещё мобильный телефон, откинул крышку, а на экране женщина улыбается. Я эту улыбку всю жизнь помнить буду, потому что пришлось очень близко с этой дамой познакомиться и провести несколько часов в непростых разговорах. Подошла «скорая», труп загрузили, я не хотел, но не утерпел посмотреть. Мужчину этого знал, он приехал к нам в район как раз в тот год, когда я капитана получил, да так на этом и остановился. А приезжий не очень общался с обществом, был холостяком или разведённым, я справок не наводил в то время, хотя впоследствии пришлось и в его прошлом порыться. Фамилия его скромная, Попеляев, но он о себе громко заявлял, какие-то его симфонии играли в области и даже в Москве, по телевизору показывали, районная газетка об этом писала, а сам он нигде не появлялся, в пьянстве замечен не был, так что для меня никакого интереса при жизни не представлял.

Начальник райотдела пригрозил:

– Ты, Шешунов, антимионии не разводи, в деле этом всё ясно. Сейчас эксперты машину осмотрят, останется один из двух вариантов: либо неисправность в рулевом, либо он того, сознательно. Неисправность практически исключается, машина новая, второй год в эксплуатации, так что остаётся самоубийство. Так и оформишь. Понял?

Понять-то я понял, что самоубийство, тогда возникают вторые вопросы: а почему он решил свести, так сказать, счёты? Финансовые затруднения? С музыкой не пошло? Любовь случилась неудачная? А может, кто-то довёл до такого решения? Ну, ума-то нет, я и выпалил начальнику все эти версии. Начальник у нас строгий. Он уже в пенсионном возрасте, но за кресло крепко вцепился, ему лишние проблемы не нужны, потому он мне внятно пояснил, что никто меня не спрашивает о причинах, пусть они уйдут вместе с композитором, а дело надо закрыть именно с такой формулировкой: самоубийство. Начальник ещё раз переспросил:

– Понял? И ничего не перепутай, мне дополнительные проблемы не нужны.

После обеда поехали с прокурором на квартиру погибшего, взяли понятых, ключами, которые в машине были, открыли калитку, и тут пёс выскочил, кавказская овчарка, прокурор чуть меня не сбил в калитке, так метнулся спасаться. Стоим, в себя приходим, а кобель с той стороны ворчит, интересуется, будем ли ещё пробовать. Понятые из соседей говорят, что собака эта никому, кроме хозяина, не подчинится, потому прокурор приказывает:

– Вот что, Шешунов, убивать придётся пса.

– Жалко, – говорю, – собака породистая и умная, может, нашего кинолога привезти?

– Ваш кинолог, – говорит прокурор, – со своей женой пособиться не может, когда она пьёт, а тут самостоятельная собака умной породы. Приказываю: стреляй, у меня времени нет тут с тобой время терять.

Пришлось стрелять, да первой пулей только ранил, потом добивал, жалко. В дом вошли тоже с ключами, давай досмотр делать. Вот вроде состоятельный человек, такие деньжищи, а жил скромно. В доме только кухня отгорожена и ванная комната, в большой зале стол обеденный и для работы, как письменный, два кресла с диваном, закинуты пледом, кровать большая, не заправлена, цветастое бельё, наверно, модное, у нас с Клавдией Андреевной такого нет, а в углу стоит белый рояль. Я роялей сроду не видал, подошёл, стукнул по клавише, и такой она жалостливый звук издала, что понятая моя заплакала:

– Какого человека сгубила, сучка, а не бабочка, он всё на музыке играл, летом хорошо слышать, бывало, копаюсь в огороде, а он плачет, страдает, это прямо как наяву понятно.

– Так громко плакал? – спросил прокурор.

Женщина обиделась:

– Да в музыке это, такая боль, такая боль!

А я к ней про бабочку:

– Почему вы решили, что бабочка какая-то виновата?

– А кто же ещё? И возил он её, и сама приходила, она ведь тоже свободная, они и не скрывались.

– А кто, фамилия какая?

Женщина плечами пожала:

– На лицо знаю, но приезжие они, не наши, а зовут Нина, она в комхозе на кассе сидит.

Я достал из сумки композиторский мобильник и открыл фотографию. Женщина кивнула: «Она». В шкафу, забитом книгами и большими тетрадами с нотной грамотой, в деревянной шкатулке нашёл я паспорт на имя Попеляева Ильи Данииловича, 1968 года рождения, женатого на Луизе Альфредовне Вандельберг, вписан сын Альфред, бывшая прописка в областном центре, и в нашей местности тоже зарегистрирован.

Прокурор включил компьютер, обозрел вспыхнувший экран и ничего интересного не нашёл, я же обратил внимание на папку с названием «Нина», тут же на столе нашёл флешку и скачал на неё папочку. Как потом оказалось, правильно сделал, хотя к добру это не привело.

Оформил запрос на расшифровку телефонных разговоров с композиторского мобильника за последние пять суток, собрал к вечеру до кучи все материалы по делу: заключения технической экспертизы, службы ГИБДД, показания водителя и сопровождающего с «вольво». Никаких неисправностей в автомобиле не обнаружено, рулевое управление и тормоза в порядке, но вот медицинское заключение прямо удивило: ни следов алкоголя, никаких наркотических опьянений. Что же получается? А получается, что в полном осознании своих действий метнулся наш композитор под грузовик с целью покончить с жизнью.

Прихожу домой, жена ко мне с новостями:

– Ты слышал, Толя, что мужчина под машину встречную бросился? Вот до чего любовь доводит человека, если он любит. Все женщины об этом говорят. Чего ты молчишь? Вам теперь, олухам, и сказать нечего, про такую любовь только песни складывать.

О том, что дело это у меня, помалкиваю, только спросил:

– А с чего это вы взяли за любовь? Может, он от долгов прятался или от музыкальных своих проблем?

Клава с жалостью на меня посмотрела:

– Да все женщины в восхищении и жалеют его, воспитанный человек высоких чувств, таких уж и не бывает совсем. Какие долги? Он за свои симфонии большие деньги получал, банковские говорили.

(Тут надо отметить, что по этой подсказке жены я утром запрос оформил в банк и получил справку, что на счёте композитора Попеляева 365 тысяч 182 рубля и 48 копеек, так что версия о финансовых проблемах отпадает, я к ней больше и не возвращался).

Напрямую спрашивать Клаву об этой женщине небезопасно, она у меня страшно как ревнивая, хотя, признаюсь честно, никаких улик против меня у неё никогда нет. Может, и случались кой-какие грешки по нетрезвому делу в командировках, но я и сам через неделю про них забывал, а так, чтобы серьёзно, – не было у неё на меня никакого компромата. Но – ревновала, потому пришлось сказать:

– Я, Клава, про этот случай больше всех знаю, потому что с пяти утра им занимаюсь. А вот про бабочку эту ты мне скажи, что она за птица?

– Во! – обрадовалась Клава. – У полюбовника ещё ноги остыть не успели, а у тебя уже и уши наострились! Заинтересовался!

Я испугался:

– Клава, это у меня профессиональный интерес, не просто так!

– Конечно, не любительский! – охотно согласилась Клава.

Всё, опрос надо прекращать, иначе опять придётся спать на диване. Отложил до утра, в рабочем порядке буду этой женщиной заниматься. Судя по всему, тут ключ к трагедии.

И надо Вам заметить, что я не ошибся.

К обеду пришёл ко мне Альфред Попеляев-Вандельберг, сын погибшего, пришёл, потому что ключи от дома к делу приобщены и находятся у меня в сейфе, а дом опечатан. Предъявил он паспорт, спросил подробности несчастного случая, я сказал, что произошло столкновение со смертельным исходом, больше никаких подробностей.

– Этого следовало ожидать. – Сын сказал фразу как-то безразлично, как о постороннем. – Я могу забрать... отца, мы хотим похоронить его в городе?

Надлежащую бумагу для больничной анатомки я ему выправил и сказал:

– Ключи я вам дам, только из дома ничего пока не выносите, в наследство вступите в установленном порядке, я вообще-то должен проследить, но доверяю, возьмите какую нужно одежду. Гроб вы привезли?

– Да, от союза композиторов идёт машина.

– Значит, сегодня и увезёте?

– Конечно.

– Прощание устраивать не будете?

– С кем ему тут прощаться? Не думаю, что кто-то придёт. Хотя, если ваш обычай того требует, постоим у дома, всё-таки жил здесь пять лет, знакомые, очевидно, есть.

К двум часам народу собралось много, подошла «газель», открыли задние двери, кто-то принёс табуретки, гроб вынули и водрузили на постамент, открыли крышку. Должен Вам сказать, что я был поражён, как красив человек по смерти, если он перед тем испил всю чашу горя и страданий и сознательно перешёл границу дозволенного. Лицо гладко выбрито, волосы причёсаны чуть вправо, кожа чистая и сухая, и как будто усмешка в губах. Ну, это мне могло и показаться, хотя действительно покойный был очень красив. Среди народа больше соседи по улице, есть и от властей, но опричь всех я отметил крепкую молодую женщину в чёрной косынке, закрывшей половину лица, она стояла поодаль, одна, стояла и смотрела на покойного. Я только глаза её видел, она не плакала, но в глазах была разлита вина, я даже опасался, что она может кинуться и просить прощения. Но она ушла первой, не останавливаясь и не оглядываясь. Я отметил, что многие соседи осуждающе на неё смотрели и переглянулись, когда ушла. Гроб скоро закрыли, и машина тронулась, я пошёл в отдел.

Вот тут уместно привести свидетельство самого пострадавшего композитора, что я и сделаю, и ещё заранее хочу Вас предупредить, что буду и дальше, где уместно, вставлять выдержки из дневника Попеляева. А к письмам, написанным для дамы сердца во дни сильных душевных волнений и даже терзаний, мы вернёмся в тех местах нашей с нею беседы под диктофон, где потребуются подтвердить или же, напротив, опровергнуть её показания.

Это самая первая запись, от 2000 года, января месяца.

«Постоянно корю себя за неумение фиксировать факты жизни, размышления и прочее, эти самоупрёки возникали в связи с дневником, а точнее сказать – с его отсутствием, потому что изначальное желание делать систематические записи до сего дня не реализовано. Ещё в консерватории читал по настоянию профессора Вандельберга письма и дневники великих – композиторов, писателей, художников. Поразительно хорошо они писали, в девятнадцатом веке сама жизнь учила излагать свои мысли на бумаге, потому что нельзя было позвонить и ограничиться рублеными фразами при постоянном напоминании телефонистки, что до конца разговора осталось столько-то минут, сложно было приехать, например, из Свердловска в Омск. Потому писали письма, подробно и очень живописно рисуя свою жизнь, встречи, прочитанные книги, даже погоду. И вели дневники, наверное, это было хорошим тоном, дневникам доверяли самые сокровенные мысли и дела, нимало не заботясь о том, что кто-то из домашних отыщет сердечное и будет доводить секретами до отчаяния. Для дневника я прикупил в канцтоварах толстую общую тетрадь в клеточку, потому что кроме нотного стана признаю только такую бумагу, и начал записывать впечатления каждого дня.

Жидковатые были записи, на глубину и осмысление не хватало ума и времени, после учёбы попал в драматический театр и несколько лет писал музыку для спектаклей, спектакли были плохие, музыка тоже, а о дневнике забыл напрочь. Далее женитьба на дочери профессора Вандельберга Луизе, переход в консерваторию, успешная работа на кафедре и черед премьер моих музыкальных опусов, которые общественность дружно называла талантливыми, а пресса регулярно сообщала о новых концертах. Цветы, аплодисменты, деньги – всё свалилось на меня вдруг, я был безмерно счастлив. Родился сын, назвали в честь деда Альфредом, хотя я тихо протестовал. Жизненный триумф продолжался, тесть несколько раз вывозил меня за рубеж, где тоже организовал неплохие отзывы. Как-то после третьего, кажется, исполнения в Голубом зале консерватории моей новой симфонии ко мне подошёл очень пожилой человек, я бы сейчас даже назвал его стариком. Он был сед, хотя борода и усы не старили его, чуть сгорблен, но довольно свеж лицом и с хорошим голосом.

– Молодой человек! – сказал он. – Понимаю, сейчас у вас нет времени, но я оставляю свой гостиничный телефон, вы постарайтесь связаться со мной не позднее завтрашнего вечера, мы должны

встретиться, и я вам расскажу кое-что о вашей музыке. Вам интересно? Поверьте, это нужная встреча, жду звонка.

Странный разговор, но почему-то мне он таким не показался, сразу после обеда я был свободен, позвонил, хозяин встретил меня в коридоре, проводил в номер, указал на кресло.

– Спасибо, что не сочли меня чудаком, моё имя Прохор Парфёнович, я из староверов, профессиональный музыкант, долгое время служил в Московской консерватории, работал с молодыми, пока мои представления о сущности русской музыки, будучи продекларированными на одном из собраний, не разошлись с мнением подавляющего большинства. Теперь свободный художник, пригрозил меня при своём дворце культуры один крупный руководитель, из русских, платит какие-то деньги, а я в глубинке ищу остатки нашей музыкальности. Вашу симфонию прослушал дважды, не протестуйте, а примите, как есть. Вы, безусловно, талантливы, но... куда вы идёте, самому вам понятно? Техника неплохая, сколочено добротнo, и звучит вроде складно (помните, было такое слово в русском языке, лад, складно?), а за душу, простите, не берёт. Вы здоровый красивый русский человек, умный, надо думать, почему же не видите, что происходит в мире, что творится с нашей страной, с народом?

– Простите и вы, – я остановил его не очень тактично. – Мы говорим о музыке или о политике?

– А вы умеете находить разницу? То, что я вчера слышал, не несёт никакой человеческой информации, там нет страстей и страданий, чувств нет, хотя есть музыка, мелодия, и вам этого достаточно?

– Вам не понравилась симфония? В этом нет ничего неожиданного, да и трагедии никакой нет, как говорят, кто любит попа, а кто и попадью.

Прохор Парфёнович поморщился:

– Зачем вы так о священстве? Не богохульствуйте, допускаю, что атеист, но церковь и вера – часть нашей культуры, надо бы поаккуратней. Хотя – это мелочи. Вернёмся к симфонии. Я уже говорил о достоинствах, а теперь скажу суть. Ваша симфония – это “Чёрный квадрат” Малевича, можно пройти мимо и не заметить, а можно с умным видом стоять часами и глубокомысленно напрягать остатки мозга. Музыка не просто сумма звуков, это и нервы, и боль, если человек не вздрогнул, не уронил слезу, кулаки не сжал – разве это музыка? Я не буду обращаться к нашей классике, вы её должны знать не менее моего, прислушайтесь, присмотритесь, в ней жизнь во всех её проявлениях, и в прекрасных тоже. – Он помолчал. – Вы можете рассказать о себе?

Вспоминаю теперь, что не очень приятным был этот разговор, но биографию свою рассказал, и про деревенское детство, и про учителя пения, который впервые показал мне ноты, и про учёбу в музыкальном училище, потом в консерватории. Упомянул и профессора Вандельберга.

– Это ваш тесть?

Меня это задело:

– Разве тесть имеет отношение к моему творчеству?

– Не имеет, если вы так считаете. Не сердитесь на меня, я вас не перевоспитаваю и не перевербовываю, просто хочу, чтобы талантливый человек раскрылся во всю силу отведённого Богом таланта, а не растратился по глянцевым афишам. Попробуйте уехать в родные края, в детство своё, не может такого быть, чтобы душа не отозвалась, ёкнет сердце. Поживите, не спешите писать, просто подышите тем воздухом. Я оставлю вам свои координаты, это вас ни к чему не обязывает, но если вдруг... Можете меня найти, всегда к вашим услугам. Если нет – эта наша встреча последняя, и за неё благодарю.

Мы расстались совсем не дружелюбно, но этот старик внёс сумятицу в мою жизнь. Я стал думать, а занятие это, должен признаться, довольно затратное, оно приводит к выводам. Вот и получилось, в конце концов, что музыка, ещё вчера казавшаяся мне совершенством, вдруг слышалась какофонией, несурезицей, бредом. Я с ужасом поймал себя на том, что ни разу не работал с вариациями на русские темы, хотя были венгерские, персидские и цыганские мотивы. В одной ученической ещё пьесе упражнялся с еврейской народной песней. Но с русскими никогда. Как так получилось – не могу понять. Упущение? Конечно, и сигнал мне показался значительным».

А это уже февраль месяц.

«Через год я высказал на семейном совете желание пожить в деревне, что сразу вызвало энергичный протест Луизы и её отца: что тебе там делать? Деревня уже давно не та, что вдохновляла

композиторов прошлого, народ выродился, песен старых там не услышишь, а только пьянство и грязнословие в этой глухомани. Я проявил неожиданную твёрдость и объявил о скором отъезде. Жена, конечно, сопровождать меня отказалась, у неё выступления каждый день, она концертмейстер в филармонии, да и сына надо воспитывать не вблизи скотных дворов, как она выразилась.

А я поехал к «скотным дворам», выбрал райцентр, в котором никогда не бывал, а он всего в полусотне километров от родной деревни, снял комнату у хозяйки, ходил на рыбалку и в лес просто так, без всяких целей. Иногда выезжал на родину. Станные чувства возникали во мне. Я заходил на кладбище, которое называли у нас могилками, стоял у заросших травой и кустарниками бугорков, помня, что здесь покоятся отец и мать. Сколько лет не бывал тут, а ведь никого нет, кто бы мог успокоить эти холмики, приласкать, окропить слезой. В местной мастерской заказал памятники, установил с помощью мужиков, которые так и не могли меня вспомнить. В деревне нашёл место, где мы жили, там теперь пустырь, прореха. Было очень грустно. Возникали незнакомые ранее звуки, они пытались выстроиться в порядок, зазвучать стройно, но я гасил их, говоря себе, что не время, ещё рано, пусть всё бродит и ищет места.

Через месяц вернулся домой, жена встретила без радости, сын не вышел для объятий, а прислуга Василиса со слезами выговорила мне, что уехал и оставил жену, а тут не всё ладно. Ничего более добиться от неё не мог, за слезами сохранила потревоженную тайну. Вечером после застолья Луиза с горькой усмешкой призналась, что встретила мужчину и имеет к нему серьёзный интерес. Я не стал домогаться гнусных подробностей, уехал к товарищу, утром попросил бывшую жену собрать мои вещи и прислать их по адресу. В тот же день уехал в деревню, которую только что покинул, нашёл приличный домик, купил, оборудовал всеми доступными благами сельской цивилизации, привёз рояль. Инструмент пришлось разбирать, потому что в двери он не входил, народ сбежался смотреть на диковинку. С первых дней положил за правило ни с кем не общаться, чтобы не растрчивать время, только прежняя моя хозяйка Ефросинья Михайловна приходила три раза в неделю что-то приготовить и прибраться.

Здесь самое время обозначить, почему я вдруг вспомнил о дневниках. Признаться, жизнь моя при втором деревенском пришествии складывалась не очень хорошо. Грех говорить, но не было у меня к Луизе того, что называется любовью, ко времени расставания уже нет, хотя женили нас не насильно. Наверное, были чувства, но то не любовь, а увлечение, страсть молодая, и даже перспектива породниться с влиятельным профессором в том числе. И всё равно места себе не находил, глодала обида, сознание обманутости, измены.

Мне показалось, что будет лучше, если сниму с себя напряжение сбросом информации на другие носители, читал где-то у психологов. Потому вернулся к дневнику, правда, в компьютерном варианте».

Март, 2000 год.

«Получил по почте извещение на оплату коммунальных услуг, узнал у Ефросиньи Михайловны, где нужно платить, пошёл в коммунальную контору, нашёл окошко кассы. Молодая женщина шваброй, обтянутой влажной тряпкой, протирала в комнате пол. Увидев меня, она улыбнулась и сказала:

– Обождите минуточку, я прошоркаю пол, а то пыль и жарко, котельная рядом и топят сильно.

Она медленно и тщательно двигала швабру, раскачиваясь и немножко клонясь, поневоле демонстрируя своё крепкое и сильное тело. Я был скрыт амбразурой окошка и мог безнаказанно её наблюдать. Лицо очень приятное, чистое и открытое, волосы гладкие и собраны на затылке, улыбка светлая, лучистая, прямо с картины, и голос мне показался грудным и немножко детским. Мне очень хотелось, чтобы она заговорила, и я спросил:

– Может, мне попозже подойти?

Она подняла на меня глаза и улыбнулась:

– Какой вы нетерпеливый, – сказала она одобрительно. – Обождите, я только руки обтерю.

Неправильная, но милая и непосредственная речь её показалась мне музыкой, даже поправить её не следовало. Она приняла деньги, квитанции вместе со сдачей положила прямо в ладонь, коснувшись моей руки. Я смотрел в её глаза, она смутилась, чуть покраснела и принялась перебирать бумаги. Оставаться более неприлично, я вышел на крыльцо.

Это теперь я понимаю, что влюбился, как мальчишка, с первого взгляда, а тогда стоял и чувствовал, что вливается в моё сердце незнакомая раньше сила, душа поёт. Я тысячу раз слышал это вы-

ражение и сотню раз сам говорил, но всё это было неправдой, хотелось, но душа не пела тогда, а вот теперь в ней разрозненные звуки соединяются в тонкую светлую мелодию. Я медленно пошёл к своему дому, медленно, стараясь не отвлекаться, чтобы не расплескать мелодию, дома сел к роялю и стал играть. Никогда до этого музыка не рождалась так легко и просто, я оставил клавиши и стал бросать ноты на бумагу. Я не помню времени, сколько прошло часов, но листы уже покрыли пол, а музыка всё звучала... Мне потребовались сутки, чтобы привести в относительный порядок эти наброски, отдельные куски проигрывал и находил их очень неожиданными, такого я никогда не писал.

С этого дня жизнь моя переменилась, в ней образовался смысл, каждое утро я приходил к её кассовому окошку и оставлял записку с просьбой о встрече. Несколько вечеров кряду не мог её пере-хватить, она исчезала из конторы и пропадала. Конечно, неловко вылавливать женщину на улице, разговоров я не опасался, но боялся резкого её отказа. В окошке она меня воспринимала стеснительно и вроде радушно, а среди людей? И вот, кажется, это была пятница, я со стороны увидел, что она выходит из конторы, чуть помедлил, тихонько подъехал, открыл дверь:

– Садитесь, до дома вас довезу.

Она села. До чего загадочна человеческая натура, совсем не знаком с женщиной, несколько раз видел только лицо, а вот сидит она рядом, и словно родное и до крайности близкое мне существо. Когда дверца захлопнулась, понял, что не упущу возможности, всё скажу, другой такой случай может не представиться. Перед собой скрывать не станешь, не красавец я, да и других отличительных особенностей не имею, как-то классической фигуры и играющих мускулов, потому с девушками отношения чаще всего возникали по их инициативе или с явного намёка. Луиза не в счёт, тут особую роль сыграл папа, теперь я это отчётливо вижу. Так что имею дело по существу с первой настоящей влюблённостью, потому страх быть отвергнутым глушит волю и вяжет язык.

Честно сказать, плохо помню тот вечер, мы выехали на трассу, где есть карманы для стоянки, я рассказывал какие-то смешные истории, она чуть оттаяла от смущения, поделилась, как в эти дни пряталась от меня, потому что стеснялась. Мне достаточно было только убедиться, что у неё нет сколько-нибудь серьёзных оснований отказать мне во встречах, и я в этом убедился, потому что она косвенно, не думаю, что специально, не столь искушённая натура, призналась, что в последнее время вечерами сидит дома.

– Наверно, от женихов отбоя нет? – спросил я.

– Не буду жаловаться, подкатывают, но это всё несерьёзно, а так, чтобы для жизни – теперича таких мужчин нет.

Я закрыл тему, потому что было бы крайне опрометчиво заявить, что я серьёзный мужчина и с большими намерениями. Подвез её к домику на окраине села, она согласилась завтра вечером выйти по моему звонку, и с улыбкой хлопнула дверью. По силе удара я понял, что прежде ей не водилось иметь дело с приличными автомобилями...

На днях заходил в библиотеку полистать областные газеты, да их совсем нет, только официальная правительственная с множеством портретов губернатора, но на столике увидел скромную книжечку “Гриша Атаманов”. Полистал, оказалась повесть о крестьянском восстании 1921 года “против жидов и коммунистов”, а Гриша – личность историческая, командовал повстанческой армией в этих краях, молодой человек двадцати трёх лет, после трёх месяцев сопротивления своими же был обвинён в измене и расстрелян. Попросил книжечку, читал всю ночь, картины яркие, краски густые, звуков много: и крестьянского труда, и метелей с ливнями, и боёв неравных. Несколько образов так и просятся: посмотри, как мы хороши, сколь колоритны, и у каждого свой голос. Узнал про автора, житель здешних мест, даже телефон нашли.

Высказал писателю свои соображения насчёт Атаманова, а он о либретто представления не имеет, хотя к идее написания оперы отнёсся спокойно, сказал, что на всё согласен, только главную мысль повести исказить не позволит. Пришлось созвониться со старым приятелем из Екатеринбурга, он там во все дырки ходок, выслал ему книгу, через месяц получил либретто. Поехал к автору, тот прочитал и заплакал: ни в коем случае нельзя такими показывать русских мужиков. Пообещал через пару недель привезти свой вариант.

Удивительное дело, либретто никогда не писал, оперу живьём слушал пару раз в студенческие годы, а материал выдал очень подходящий, много природы, героические картины сопротивления, душевная любовная линия, причём в трёх вариантах – полный простор для композитора. Я начал

работать. Чтобы не ходить проторёнными тропами, попросил Ефросинью Михайловну собрать старушек и попеть старые проголосные песни. Долго ничего не получалось, пока гости не осмелели и не приняли по стаканчику настоящего итальянского вина.

Несколько недель безоглядно сочинял новую музыку. Ни один из наработанных, отточенных и довольно верных приёмов тут не действовал, да и не мог быть допущен, не его это стихия, зато призваны были новые звуки, впервые попробовал хор мятежников на фоне колокольного звона – получилось, даже мурашки по коже, когда представляю его в исполнении академического хора. Складывается любовная линия Григория и Глаши, интересен будет дед Ероха со своей пронзительной арией о так и несостоявшейся любви к девушке, имени которой теперь уже и не помнит. А ещё раньше надо широко показать становление нового сибиряка, беглого из Расеи преступника, и всплывшую в нём страсть к Вере Тагильцевой, будущей матери Григория.

Мне страшно интересно работать, вечерами Нина приходит, что-то готовит, я в это время переписываю ноты или другую работу делаю, которая не боится остановок. Сегодня бросил всё и на кухне рассказывал Нине о будущей опере, даже спел несколько арий. На неё это не произвело впечатления, но она улыбнулась и чмокнула меня в щёку».

Чтобы не возбуждать повышенного интереса общества к происшествию и к даме, виновнице, как я понимал, трагедии, я не стал вызывать повесткой, а на второй день подошёл к окошку кассы и тихонько сказал, что жду её после пяти часов в четырнадцатом кабинете. Мне важно было заметить реакцию, но ничего нового не увидел, она согласно кивнула и забыла про меня, уткнувшись в бумаги. Она пришла вовремя, остановилась напротив стола и потупила глаза.

Тут я должен её описать, потому что раньше сделанные заметки больше возникали под влиянием из ряда вон ситуаций, например, при гробе. Конечно, это влияло и на её состояние и на моё восприятие, а когда она вошла в кабинет и остановилась у дверей, вот тут я мог её разглядеть и составить представление. Итак, роста она высокого, конечно, не сказать, что в небо дыра, но росленькая и на ногах стройная, только в нижней части широковата как раз настолько, чтобы дразнить и неловкость у мужчин вызывать. И талию сохранила, а в тридцать пять это не каждой дано, хоть и говорят, что баба ягодка опять. Я по своей погонюсь, какая там ягода... А вот грудь слабовата, конечно, в руки есть чего взять, но не то, что у моей Клавдии Андреевны. Бровки подчищены и в ниточку сведены, только не вульгарно, а с любовью и никак не злобно, больше с вызовом и надменностью, может быть, и не осознанной. И ротик примечательный, небольшой, даже маленький, губы чуть вздёрнуты, самую малость, опять же чтобы дразнить и звать. Такие целовать очень даже приятно.

Вот такая она передо мной нарисовалась, и должен был я вести дознание. Заполнил все анкетные данные и спросил:

- Вы догадываетесь, по какому вопросу я вас пригласил?
- Догадываюсь. У меня позавчера по кассе не хватило полторы тысячи.

Я оторопел:

- И что?

Она пожала плечами:

– Просчиталась, наверно, но сейчас вернуть – у меня нет, только через неделю отец пенсию получит. Я же сказала, а главбух, видно, ждать не захотела.

Да, неловкое положение, но надо всё разводить по своим местам, напомнить ей о более сложной проблеме, чем кассовая недостача.

– Я пригласил вас совсем по другой причине. Меня интересует всё, что вы можете сказать о погибшем Попеляеве в автомобильной катастрофе и про ваши с ним отношения.

Она вздрогнула, лицо помрачнело, и глаза стали такими, какие я видел при прощании у гроба – глубокими и тёмными.

- Спрашивайте, я скажу, а так – не знаю, что вам надо.

– При каких обстоятельствах вы познакомились?

– Никаких таких обстоятельств, ровно пять лет назад, когда он здесь жить стал, подъехал на машине вечером к работе, довёз до дому, а на другой день выходной, суббота, пригласил в гости.

- И вы согласились?

Она улыбнулась, видно, эти неожиданные воспоминания напомнили то далёкое время, тогда ещё приятное для неё.

– Не согласилась я, хоть и пообещала, а вечером не вышла, потом ещё целую неделю скрывалась от него.

– И всё-таки как вы встретились?

– Это тоже надо?

– Без интимных подробностей, но надо.

– Вот так же в пятницу он меня у работы посадил в машину, отъехали в сторону, он и говорит, что глупо я от него прячусь, что нравлюсь ему и всё такое. Я тогда ни с кем не встречалась, приняла одного, всё надеялась наладить жизнь, да и тот пьяница оказался, хотя знакомые уверяли, что порядочный. Выгнала, с месяц назад, и вот Илья Данилович появился. Я в тот вечер вышла, как обещала, он меня не упрекал, что избегала, только рад был до крайности... Вам это тоже говорить?

– Да, если можно.

– Отчего нельзя, теперь всё можно. Он такой радый был, что я пришла, весёлый, всё какие-то забавные истории рассказывал, смеялся, прямо ребёнок радостный. У меня стеснение пропало, и хорошо мне. Потом Илья предложил к нему поехать, так и сказал: посидим, поговорим, я тебя ничем не обижу, без твоего разрешения даже за руку не возьму. Да мне чего терять? Приехали, у него стол накрыт, вино дорогое, свечи, фрукты и еда всякая, я такой и не видела. Когда он свечи зажжёт, я спросила: а если бы я не вышла, куда это всё? Он улыбнулся, говорит, что каждый вечер вот так готовился, когда меня ждал. Мне даже неловко стало.

Она помолчала.

– А вам не показалось странным, что он вас в первый же вечер стал к себе зазывать?

Она помолчала, будто вспоминая:

– Он же по-человечески всё объяснил, не лапал, как наши. Он сказал, что мы оба люди взрослые, самостоятельные, понимаем, зачем нам эти встречи, поэтому и время не надо терять. Сказал, что нет у него времени на ухаживания, а цветы полагающиеся он мне за оставшуюся жизнь подарит, так и сказал: все цветы к твоим ногам!

Интересное дело, вот разбежались, и его уже нет, а цветами она гордится. Для женщины, выходит, цветы на особенном месте. Я как-то Клавдии Андреевне букет на Восьмое марта принёс, она оговорила, что лучше бы вазу купил или сахарницу. В приведённом кусочке из дневника, писанном, видно, сразу после встречи, Попеляев подтверждает слова подозреваемой.

12 апреля 2000 года.

«Мне несколько странно в этом признаваться, но самому себе можно, ведь я не думаю, что когда-нибудь мои записки будет читать посторонний, возможно, только Нине потом покажу. Итак, сегодняшний вечер можно считать самым счастливым в моей уже довольно продолжительной жизни. Нина была у меня, и мы чудно провели время. Но обо всём по порядку.

Мой дом ей очень понравился, она босиком прошла по комнате, потрогала рояль, книги, с интересом смотрела на исписанные нотные листы. В кресло села смущённо, я подкатил столик с закусками и сладким, открыл вино. Рассказывал какие-то смешные истории, очень волновался, чувствовал, что раскраснелся, лицо потрогал – горю! Да и вино сыграло, я чуть осмелел, отпихнул столик и встал перед нею на колени, целовал руки, шею, наконец, губы, она жадно впитывала мои чувства и горела тоже, даже мелкую дрожь в руках её помню.

Повторю ещё раз: так счастлив я никогда не был, она потрясающая женщина, чуткая, внимательная, заботливая. Все эти качества её натуры успели проявиться за первые шесть часов нашей совместной жизни. И как женщина она выше всех похвал, Луиза была скучна, девчонки из консерватории, которые ловят всякое дыхание преподавателя, угодливы и неинтересны. А тут такая полифония чувств и страстей! Господи, за что мне такое счастье?! Я начинаю новую жизнь.

Да, сегодня получил письмо от Прохора Парфёновича, которому два месяца назад отправил окончательный вариант оперы “Гриша Атаманов”. Сначала хотел поставить название “Буча”, есть такое слово в тексте повести, означает свару, драку, но отказался, Гриша – это как-то по-человечески, любовно и в то же время жалостливо (не жалость, а жаль) – это точнее и глубже.

Прохор Парфёнович сразу мне позвонил, сказал, что очень обрадовался случившимся во мне

переменам, музыку назвал настоящей, а оперу – способной сделаться событием не только в музыке, но и в культурной жизни вообще. Это он так сказал. Пообещал, что более полную информацию сообщит письмом, надо решить несколько вопросов.

И вот письмо. Прохор Парфёнович подключил к прочтению нескольких крупных специалистов, в перечне я нашёл знакомые фамилии, и оперу взялся поставить только что образованный частный оперный театр “Русская опера”. Прохор Парфёнович подчеркнул, что работа уже началась и мне надо бы присутствовать на репетициях. Из названных исполнителей никого не знаю, это и неудивительно, потому что собрали молодёжь со всей страны. Ещё новость: театр готовит Чайковского и Бородина, и моя опера будет в афишах, моя скромная фамилия среди великих».

Продолжаю опрос:

– Он простой в обращении был?

– Хороший. Никогда своей образованностью не козырял, меня наставлял правильно говорить, я же мало училась и не читала совсем, а он поправлял. И читать давал книжки хорошие, серьёзные. А ещё музыку играл.

– Свою?

– Разную. И свою тоже. Говорит, прислушайся, что тебе покажется при этой музыке. И начнёт. Я глаза закрою, и вроде лес мне привидится, солнечный, прострельный, где мы с ним грибы собирали, увижу гриб и кричу ему: «Илюша, глянь, какой красавец!» А потом раскинет одеяло из багажника посреди поляны, так и волехнёмся. Скажу ему потом, что думалось под музыку, а он улыбается: правильно всё понимаешь!

– Любопытно бы такую деталь уточнить: он грамотный, учёный человек, ваши восемь классов никак не к месту, дальше: возраст его солидней на много лет, да и другие различия. А почему, собственно, у вас отношения складывались?

(Должен заметить, что Клавдия Андреевна при расшифровке на глупость вопроса мне указала, но я тогда не осознавал).

Женщина посмотрела на меня и улыбнулась:

– Значит, не только образование для мужчины имеет значение. Я вам так скажу, товарищ следователь: не было у меня до него такого мужчины, чтобы так любил, я сознания лишалась от обуявших чувств, он меня одними поцелуями доводил до крика, извините за прямоту, но вы сами хотели.

– Он не скрывал, что женат?

– Не скрывал, только сказал один раз, что с женой не общается, даже когда ездит в город. Да я и не ревновала к ней, хотя к другим страшно ревновала.

– И были основания?

– Ревновать-то? Да сколько угодно! Он влюбчивый, как юнец, и что интересно – никогда от меня не скрывал. Вот, говорит, красивая женщина, правда, Нина? А я уже горю вся, ревную. Или напечатали его симфонию, а на страничке приписка: «Посвящаю Анастасии». Я так и не могла добиться, кто эта Анастасия, долго из-за этого сердилась, а он всё в шутку превращал, говорит, так надо, это муза какая-то, а мне откуда знать?

– Он не предлагал вам пожениться?

Она вспыхнула вся, я даже испугался, что плохо ей станет, но ничего, успокоилась.

– Не предлагал. Года полтора назад уборку делали в доме, побелка и всё такое, до поздней ночи. В бане помылись, я кушать приготовила, он любил вкусно поесть, и моя готовка нравилась, потом лежим в постели, так мирно, тихо, я и скажи: вот никуда бы не уходила от тебя, так бы и ноги твои мыла, и колыбельные пела. Он смутился, а потом сказал резко: не могу себе позволить такого счастья, потому что разница в возрасте только сейчас не очень заметна, состарюсь на пятнадцать лет раньше тебя, и буду стыдиться твоей молодости. Я тогда припала к его ногам, заплакала: да мне быть рядом с тобой уже всё счастье бабье, Илюша! А он засмеялся как-то нехорошо и увёл в сторону: вот давай этим счастьем пользоваться, пока оно у нас есть. Тогда я поняла, что так всё и будет, что судьбы у нас нет.

– Но ведь он был прав, если такая разница в годах. Тоже мало хорошего глядеть, как молодая жена на чужих мужиков заглядывает.

– Не знаю. Только тем разговором он мне всю душу перевернул, я с оглядкой жить стала, прихожу

к нему не как в наше гнёздышко, а как на свиданку короткую, получу свою долю радости, и домой. А дома что? Диван обнимать? Я ему ничего не говорила, а он не замечал, но надломилось во мне, одумаясь: люблю его до безумия, а гляну вперёд – пустота. С тем и жила.

Дневник, август.

«Время от времени я задумываюсь о наших отношениях, если всё привести к нормальному и логичному расчёту, то получается, что Нина именно такая женщина, которая нужна была мне всегда, ещё в студенчестве, ещё в первые годы жизни с Луизой, точнее сказать, в первые годы семейной самостоятельной жизни. Нина именно такая. Она умеет не мешать и умеет увести от депрессии, она внимательно следит за моим самочувствием, и даже было несколько случаев, когда очень деликатно отказалась лечь в постель только потому, что я был слишком усталым и не очень хорошо себя чувствовал. Она научила меня следить за давлением, научилась делать массаж спины и шеи, она незаметно подвела к тому, что я уже не очень молодой человек и с этим надо считаться».

Дневник, август.

«Сегодня же впервые наклонился у нас разговор о будущем, пока не могу определённо сказать, готовила она этот сюжет или он спонтанно возник, скорее, случайно, грех подозревать за простой женщиной такую тонкую изощрённость, это не Луиза. Мне как-то и в голову не приходило, что Нина рассчитывает на совместную жизнь, мужчина в таких случаях руководствуется своим пониманием: пришла, приласкала, приготовила ужин, помыла посуду. И – ушла, нет никого, кто попытался бы претендовать на внимание, требовал заботы, предъявлял права. Сегодня её желание было высказано с нескрываемой ясностью, я не лучшим образом отреагировал, скорее, пытался защищаться, и тем обидел милую женщину. Она как-то сникла, погасла, бывшая беззаботность пропала, я не мог ничего сказать и сделать, возвращаться к теме глупо, делать вид, что ничего не произошло, – ещё глупее. Впервые за три года мы расстались сухо, её традиционный прощальный поцелуй отдавал грустью.

Вот сижу и думаю: что же делать? Не свободу боюсь я потерять, в пределах необходимого для работы с Ниной я буду иметь всегда, даже и дочь её помехой не стала бы, только к дому пристроить пару комнат. Но мне полсотни, состарюсь на пятнадцать лет раньше жены. Как потом жить? Надо завтра сделать Нине сюрприз, например, купить большой арбуз, она так любит арбузы и ест их, как ребёнок, я никогда не забуду, как снимал с её носа арбузное семечко...»

Дневник, 12 апреля.

«Третий день после разлуки, Нина не звонит, а ведь сегодня годовщина, ровно пять лет назад она осталась в моём доме и мы провели первую ночь. Ждал звонка, но его не было, и утром решил встретить около дома. За пять лет можно до тонкостей изучить человека, тем более столь несложного, как Нина, я мог по первым шагам, ещё и не видя лица, определить её настроение, а тут она открыла дверь машины неохотно, села неловко, сухо поздоровалась. Я ещё мог бы отнести это к остаткам обиды на своё длительное молчание, но что-то шевельнулось внутри: не всё так просто. Сердце моё заколотилось. Она заговорила вдруг о переменах в моём к ней отношении, со слезами стала приводить примеры, и я с ужасом понял, что эта атака продумана заранее. Оставалось ждать, когда она нанесёт первый серьёзный удар. Наконец, Нина остановилась, улыбнулась и сказала, что мы договаривались не скрывать друг от друга, если появится кто-то третий. Я похолодел. Она опять улыбнулась: ты помнишь? Я согласился и разрядил обстановку вопросом: у тебя появился? Она не скрывала удовольствия, или мне так показалось: да, пока ещё не появился, но есть мужчина, которому я нравлюсь, и он имеет серьёзные намерения. “Серьёзные намерения” – это упрёк мне.

Я плохо владел собой, кровь прилила к голове и лишила рассудка, язык не слушался меня, и речь казалась бессвязной. Нина испугалась моего вида и попросила увезти её на работу. Когда подъехали к конторе, я спросил, сможем ли поговорить. Она пообещала, но после работы я её не нашёл, телефон был отключен.

Я схожу с ума».

Тут в диктофонной записи несколько минут нет слов, но и тишины нет. Нина впервые заплакала в моём присутствии, пошмыгала носом. Продолжаю задавать вопросы:

– При следующей встрече он не грозил, что может покончить самоубийством?

– Нет, я несколько дней скрывалась от него, с конторского двора на автобусе уезжала, у знакомых оставалась до темноты.

– А телефон? Он вам звонил, искал?

– Телефон я отключала, а если заставал звонок, сбрасывала. Не говорили мы. Но он писал письма и оставлял на кассе. Он как-то говорил, что с людьми неприятными переходит на Вы, он и мне писал на Вы, это очень обидно, лучше бы обругал.

– И вообще больше не встречались?

– Он меня опять утром около дома перехватил, видно, что ночь не спал, похудел, осунулся. Он у меня справным стал, кушал хорошо, продукты лучшие покупал, а я готовила. А тут даже небритый. Я села в машину, ведь не побежишь вдоль улицы. Он выехал за село, говорит, полчаса у нас есть времени. Молчим. Я не вытерпела, заплакала: Илюша, отпусти ты меня, всё равно теперь у нас ничего уже не будет. А он своё: я только теперь понял, как тебя люблю, никому тебя не отдам. Поздно, говорю, Илюша, я сегодняшней ночью была с ним. А он как застонет: неправда, ты же любишь меня, ты сама говорила. Видит Бог, как я его любила, но он сам отвергнул мою любовь. Вы знаете, что он сказал потом? Я, говорит, был уверен, что ты моя навсегда, потому и жил с тем, что ты никуда не денешься. Вот где правда! А любовь – она живая, её поддерживать надо.

Она опять долго молчала, потом призналась:

– Мы ведь ещё один вечер провели вместе, ещё встrepенулось во мне всё, согласилась. Он такой горячий был, пылкий, не знаю какой. А когда прощались, вдруг поняла, что в последний раз. Замачала семейная жизнь с Феей, а Илюша опять ничего не пообещал.

Утром пошёл к начальнику, только заикнулся о вчерашней беседе, он как заорёт:

– Ты какого хрена развёл здесь антимионию с любовью? Тебе сказано, что самоубийство, так и оформи. И вообще, Шешунов, пиши рапорт на увольнение, достал ты меня своими глупостями.

Так закончилась моя следовательская карьера, и наступила новая жизнь, вот, писать начал.

Но надо Вам, господин редактор, дать полное представление об этом деле. Как Вы помните, в моём распоряжении имеются дневник и письма Попеляева к этой даме. Трагедия на трассе случилась в ночь на 6 мая. Размолвка нашего героя со своей любимой началась 12 апреля. Я выберу самые трогательные за сердце выписки, а Вы уж там поглядите, что убрать, а что оставить. Но без слёз читать это невозможно, я в последнее время такой трогательный стал, что просто беда, Клавдия Андреевна уже всерьёз беспокоится, говорит, что писательское дело опасней для здоровья, чем следовательское. Так вот по дням и выберу для Вас кусочки.

Дневник, 14 апреля.

«Нина, дорогая мне, если бы я мог вернуть время хотя бы на два дня, конечно, это невозможно, но хотя бы остановить его в наших силах, если и ты и я этого захотим. Надвигается нечто ужасное, чёрное, грохочущее, и я не знаю, что, – оттого мой страх и ужас перед неизвестным фанатичнее и суеверней. Ты так ловко избегаешь встреч и разговоров, что у меня нет сомнений: ты всё для себя уже решила и тебе нечего мне сказать».

Дневник, 15 апреля.

«Если бы ты знала, Нина, какое удивительное открытие сделал я после твоего исчезновения. Вот вроде понимаю, что ты сильно мне нужна, всё в тебе мне дорого и необходимо, но обнаружилась фраза, точнее, картинка со словами, в которых всё это самое дорогое и заключено. Сижу я у инструмента, что-то не получается, ты у плиты ворожишь, совсем не вижу и не слышу, но – споласкиваешь руки, тщательно фартучком их обшаркиваешь, как ты мило говорила когда-то, и тихонько подходишь сзади, обнимаешь легонько, так, что едва заметно. И прижимаешься грудью, я чувствую твои мягкие груди без лифчика, и говоришь тихонько мне на ушко, так, что и мысли не потревожишь, если она в это время появится: “Ну, что ты, мой родной, приутих совсем?” Так было много раз, много десятков раз, и всегда заканчивалось весёлым смехом и обильным застольем. Сегодня впервые я горько плакал над этими словами, значит, такое уже никогда не повторится».

Дневник, 20 апреля. Красиво, но я не понял.

«Я представил нашу любовь как огромную амфору древнего сладкого вина, которое льётся при любом нашем желании и льётся так мирно, что ни у тебя, ни у меня никогда не возникало опасения, что это благо не бесконечно. И вдруг струя истончилась, и последние капли упали на наши души. Когда всё кончилось, оказалось, что остальное уже не имеет никакого значения».

Дневник, 22 апреля.

«Сегодня меня сильно испугала нечаянно возникшая мысль, что страдания мои и мучения могли быть внятными и конечными, если бы Нина умерла. Я никогда не хоронил любимых женщин, но почему-то уверен, что это легче пережить, чем вот такой её уход. Её уже нет и никогда не будет, и в то же время я всякое мгновение осознаю, что она есть, что вот сейчас, в эту минуту, целует и ласкает другого, как совсем недавно ласкала и целовала меня. Эта мука горше всякой утраты».

Дневник, дата не указана.

«Господи, что происходит?! Я схожу с ума. Ненавижу! И не могу без неё. Во мне два человека, и они никогда не поймут друг друга. Как жить дальше?»

Эти записи последние, дата не указана:

«Ты разрушила мой мир, который был создан тобой и с тобой и без тебя невыносим, не способен жить, он мёртв. Мысль о смерти всё чаще возникает в моём горящем мозгу. Сегодня я записал траурный марш, впервые, никогда не думал, что притронусь к этой теме. Гордиться нечем, но музыка получилась, я писал её, стоя над своим гробом, оплакивая себя и благословляя нашу любовь, поднимая над своим горем твой образ, который теперь уже ненавижу».

«Сегодняшней ночью мне был сон, он весь состоял из видений и звуков. Я часто вижу сны, но они почти никогда не бывают интересными, напротив, часто приносят дурное состояние души и смутные ожидания, к тому же я всегда забываю содержание, от сна остаётся только настроение, чаще всего скверное. Нынешний сон необычен тем, что он вторгся в мою реальную жизнь и коснулся самого больного и даже запретного. Мне приснилось, что Нина вернулась, не могу сказать, как это произошло, помню уже с того момента, когда мы вместе, она лежит в моей постели, как это часто бывало, совершенно нагая и улыбающаяся, а я стою перед нею на коленях и люблю её красотой. Во сне мне вспомнилась поэтическая строчка “...как рыба линия бедра”, и это было правдой, но что-то сильное, сильнее страстного желания, удерживало меня коснуться зовущего тела. Она улыбалась, и игривая зазывная мелодия безобразно вязла в ушах, а я всё искал в себе причину собственного сопротивления. Потом она приподнялась и взяла меня за руку. Мелодия оборвалась, я отбросил её холодную ладонь, и всё вокруг наполнилось тревожными и грустными звуками. В то мгновение я понял, что не смогу простить измену и никогда не прикоснусь к женщине, которую очень люблю. А жить как?»

Эта СМСка была отправлена на её номер 6 мая в 04.16 утра. Столкновение легкового «мерседеса» и грузовой «вольво», как записано в протоколе осмотра места происшествия, произошло через четыре минуты.

«Дорогая и любимая, решение я принял, ты сейчас спишь, спи до утра, утром тебе всё скажут. Потеряв любовь, я теряю жизнь. Прощай».

Господин редактор, поручаю Вам эту историю, опубликуйте и прославьте любовь хорошего человека, а женщинам пусть будет грустно от таких последствий.

*Остаюсь с надеждой –
Анатолий Шешунов,
капитан милиции в отставке*